

*Посвящается Кайлу
Ты — моя жизнь*

ГЛАВА 1

Через год после пожара доктор снимает с меня маску и предлагает вернуться к нормальной жизни.

Разумеется, он говорит не совсем так — за то ему и платят, чтобы он пускал пыль в глаза, употребляя различные медицинские термины типа «реинтеграция» и «изоляция». В общем, «Комиссия по жизни Авы» собралась в расширенном составе и решила, что я уже слишком долго прохлаждаюсь.

Моему послепожарному упоению жалостью к себе пришел конец.

Доктор Шарп разглядывает пересаженные лоскуты кожи — нужно ведь убедиться, что с последнего обследования, проведенного месяц назад, у меня в подмышках не выросли крылья летучей мыши. Чертовы шрамы непредсказуемы, а поскольку мое тело состоит из них на шестьдесят процентов, доктору Шарпу на осмотр требуется целых двадцать минут. Я лежу на кожаной кушетке, покрытой шуршащей одноразовой простыней, а моя тетя Кора внимательно наблюдает за доктором Шарпом и делает пометки в гигантском талмуде под названием «Выздоровление Авы».

Доктор снимает с моей головы бандану, затем пластиковую маску и легонько проводит пальцами по шрамам.

— Заживает просто прекрасно, — говорит он без малейшего намека на иронию.

Скользнув по коже у меня под глазами, его прохладные пальцы спускаются к более толстым рубцам у рта, где я почти не чувствую касаний.

— Можно накрасить свиные губы, но она все равно останется сви...

— Ава! — ахает Кора, которая не только моя тетя, но еще и самопровозглашенный директор вышеупомянутой Комиссии по моей жизни.

Доктор Шарп качает головой и смеется. На его щеках появляются две глубокие ямочки, и он еще больше начинает походить на одного из красавчиков-докторов из сериала «Анатомия страсти», которые в промежутках между спасением жизней ссорятся друг с другом в ординаторской. Каждый раз, когда доктор Шарп касается моей кожи, у меня в животе порхают бабочки — наверняка виной тому его прекрасные глаза и точеные скулы. Не помогает даже мысль о том, что он видел меня голой уже девятнадцать раз. И неважно, что это было на операционном столе: голое тело — это голое тело, даже покрытое тонкой простынкой и шрамами.

Но все мы усиленно делаем вид, что этого не было. И я, конечно, никогда не упоминаю тот факт, что доктор взял кусок кожи с моей задницы и буквально натянул на лицо, чтобы сделать новый лоб.

Доктор Шарп протягивает мне небольшое зеркальце, чтобы я могла восхититься его рукоделием.

— Спасибо, не надо.

— Все еще трудности с зеркалами?

— Я и без того знаю, как выгляжу — если, конечно, у меня за ночь не появилось новое лицо.

Кивая, доктор Шарп делает пометки в электронной больничной карте. Наверняка Комиссия вскоре устроит собрание из-за моей непереносимости отражающих поверхностей. Не то чтобы я не видела своего лица. Я знаю, как выгляжу, и просто предпочитаю не смотреть.

Доктор Шарп с улыбкой — опять эти ямочки на щеках! — берет мою пластиковую маску.

— Полагаю, ты будешь рада узнать, что эта штуковина тебе больше не нужна.

Кора взвизгивает и неуклюже обнимает меня, стараюсь сильно не давить, чтобы не пустить насмарку процесс заживления.

— Доктор Шарп, вы не смогли бы придумать лучшего подарка в этот день! Ведь прошел ровно год с...

Кора осекается, и я практически вижу, как лихорадочно ее мозг подыскивает подходящие слова.

— С пожара, — подсказываю я. — Год со дня пожара.

Доктор Шарп вручает мне маску, которая весь этот год была моей постоянной спутницей: двадцать три часа в сутки она прижималась к коже, чтобы шрамы не вздувались во время заживления. Доктор и медсестры постоянно убеждают меня, что с маской шрамы заживают лучше, хотя сомневаюсь, что может быть что-то хуже лоскутного одеяла из бесцветных кусочков кожи, которое зовется моим лицом.

— Компрессионное белье придется поносить, пока мы не убедимся, что шрамы не мешают тебе двигаться, — говорит доктор. — Но у меня есть еще одна хорошая новость.

Кора едва заметно кивает ему, и я понимаю, что все сказанное сейчас будет итогом собрания «Комиссии по жизни Авы». На котором меня не было — мое приглашение, видимо, угодило в папку «спам».

— Теперь, когда маска тебе больше не нужна, я решаю — и даже настаиваю на том, чтобы ты вернулась в школу.

Не поднимая глаз, я верчу маску в руках.

— Мне это не интересно, но все равно спасибо.

Подскочив с места, Кора кладет свою толстую тетрадь у раковины, садится рядом со мной и легонько похлопывает меня по бедру.

— Ава, тебе ведь надоели онлайн-уроки, и ты все время твердишь, как тебе хочется вернуться к нормальной жизни.

Нормальной.

Ну да. К прежней нормальной жизни. К Нормальной Аве-до-пожара. Нормальной-пренормальной.

— Этого никогда не будет, — чеканя каждое слово, произношу я. — Я не собираюсь возвращаться в прежнюю школу, делая вид, что все по-старому.

— Ты можешь пойти в школу рядом с нашим домом, мы же уже это обсуждали. Или выбрать любую другую школу, — невозмутимо предлагает Кора. — Начать все с чистого листа, понимаешь? Завести новых друзей и начать новую жизнь.

— Лучше сдохнуть, — бормочу я.

Я прекрасно учусь по интернету, сидя перед монитором дома в пижаме. Тогда меня никто не видит. Никто не тычет пальцем, не пялится и не шепчется, думая, будто я не слышу. Я обгорела, а не оглохла.

— Не болтай ерунды, — говорит Кора. — Тебе повезло, что ты выжила.

— Ага. Я будто счастливая кроличья лапка, только в человеческом облиции.

Почему считается, что если я выжила, то мне повезло? Мама, папа и кузина Сара сейчас, наверное, резвятся на райском лугу или счастливо переродились в обезьянок где-нибудь в Индии. Мне же достались бесконечные операции и пристальные взгляды незнакомцев.

Впрочем, с надгробиями не посоперничаешь. Смерть всегда значительней страдания.

— Будь на твоём месте Сара, я бы хотела, чтобы она жила полной жизнью, — говорит Кора. — И наверняка твоя мама тоже хотела бы, чтобы ты была счастлива.

Меня раздражает ее попытка выиграть спор за счет мертвых людей.

— Я не Сара. А ты не моя мать.

Кора отворачивается. Доктор Шарп делает вид, что сосредоточен на экране компьютера, показательно не замечая напряжения, которое заполняет кабинет, словно дым. Бесит, что доктор стал свидетелем

этой детской вспышки гнева. Впрочем, он частично в ней виновен — застал меня врасплох «хорошими» новостями.

Кора тихо всхлипывает, и я уже жалею о своей несдержанности. Она не планировала заменять мне мать, а я не собиралась занимать место ее дочери. Просто мы обе пытаемся разобраться с этим болезненным «удачным» поворотом, который нам подбросила жизнь.

— Ава, дело в том, что нас беспокоит твоя затянувшаяся изоляция, — кашлянув, говорит доктор Шарп. — Реинтеграция — важная часть процесса исцеления, и мы все полагаем, что пришло время ее начать.

Интересно, кто такие эти загадочные «мы все», и почему их так беспокоит мой статус отшельницы, о котором я сама и знать не знала?

— Может, ты попробуешь походить в школу какое-то время — скажем, две недели, — а потом мы еще раз обсудим стратегию твоей реинтеграции? — предлагает доктор Шарп.

Кора с надеждой глядит на меня влажными от слез глазами, и я, «счастливица» этакая, ощущаю себя виноватой. Вина выжившего.

У Кору на этой неделе тоже годовщина. Год жизни без дочери. Год заботы обо мне, выжившей вместо нее.

Не в моих силах вернуть Сару, но согласиться на эти две недели я могу.

— Ладно. Десять учебных дней. Если не случится никакой катастрофы, то поговорим о большем сроке.

Кора так сильно обнимает меня, что я притворяюсь, будто мне больно — лишь бы она разжала руки.

— Всего две недели, — напоминаю я. — И это точно будет катастрофа.

— Главное начать, — уверенно говорит она.

Пока Кора и доктор Шарп обмениваются торжествующими взглядами, я повязываю красную бандану на

свою покрытую шрамами голову. Верчу в том, что осталось от моих рук, прозрачную маску, борясь с желанием снова надеть ее.

* * *

Кора у стойки регистратуры обсуждает неоплаченные счета за операцию, а я бесцельно брожу по коридору ожогового отделения и разглядываю рисунки неких «Инициаторов больничного искусства», которые вроде как призваны привнести красоту в жизнь умирающих людей.

Маленькая девочка с пронзительным криком цепляется за джинсы матери. Я и не заметила, как забрела в коридор обычной поликлиники.

Крошечный пальчик указывает на меня.

На мое лицо.

Покраснев, мать девочки сбивчиво извиняется и поспешно уходит вместе с дочерью, та продолжает реветь и оглядываться на меня. Мужчина в кресле из искусственной кожи быстро утыкается в газету, но я чувствую на себе его взгляд, пока размеренным прогулочным шагом возвращаюсь в ожоговое отделение, стараясь вести себя непринужденно.

Здесь безопасней, здесь привыкли к таким, как у меня, лицам. Жаль, что Кора не позволила взять наушники: тогда бы я погрузилась в музыку и не обращала ни на что — и ни на кого — внимания.

Притворяюсь, что меня невероятно заинтересовал висящий на окне трехмерный арт-объект под названием «Отражение звезд»: каждое пятиконечное мини-зеркальце пускает радужных зайчиков по полу и стенам коридора.

Млечный Путь из крошечных зеркал искривляет мое лицо и напоминает полотна Пикассо. И, кажется, тронь их — и они рассыплются по полу, и в каждом из них красная бандана, обрамляющая мое искромсанное лицо.

На секунду я позволяю себе поверить, что я разбитая только в разбитом стекле.

И стоит мне отойти, как лицо станет обычным.

Нормальным.

Этого и хочет Комиссия: чтобы я вернулась в школу, снова стала нормальной.

Однако меня не проведешь.

Нормальных людей не пугаются маленькие дети.

Нормальные шестнадцатилетние подростки смотрят в зеркала — проверяют, не размазалась ли помада и как уложена челка, — и отражения их успокаивают. А если что-то не так, то это можно исправить.

Мне же зеркала лишь напоминают о том, что я чудовище.

И ничто в мире не может это изменить.

ГЛАВА 2

Следующую неделю Кора проводит в предшкольно-шопинговом экстазе. Она свято верит, что мое успешное возвращение к нормальной подростковой жизни зависит от того, буду ли я носить сумку через плечо или рюкзак.

Вечером накануне моей официальной «реинтеграции» она выстраивает ряд сумок у меня на кровати: холщовые с броскими надписями, нейлоновые на одном ремне, рюкзаки с цветочными орнаментами...

— Что сейчас носят подростки?

Я пожимаю плечами.

— В последнее время я носила лишь больничные халаты да пижамы, так что я не лучший консультант по вопросам стиля.

С трудом сдерживаю комментарий, что вряд ли кто-нибудь вообще будет смотреть на мои аксессуары.

Кора переводит взгляд с красочной выставки сумок на меня, ее брови нахмурены. С таким же выражением

на лице она разгадывает кроссворды в воскресном выпуске газеты — будто сумеет найти решение, если сильнее сосредоточится.

Однако несмотря на все усилия Кору, я — та самая головоломка, которую ей не решить.

— Думаю, эта подойдет, — твердо говорит она и берет черную сумку через плечо с длинным ремнем. — Но лучше примерь, пока я не вернула остальные.

Я отвечаю ей, что сумка меня устраивает, и напоминаю, что через две недели, когда я вернусь к своему славному отшельничеству, она мне даже не понадобится.

Уголки губ Кору на миг опускаются, и под маской директора «Комиссии по жизни Авы» я вижу другую женщину. Маленькую и испуганную, больше всего на свете желающую, чтобы в этой комнате сидела ее дочь, рассматривала сумки и предвкушала новые знакомства, буйные вечеринки и все прочие нормальные вещи, которые Кора хотела для Сары.

Я со вздохом беру черную сумку и перекидываю ее через плечо.

— Идеально. Спасибо, Кора.

Она поправляет сумку, ремешок трет мои напряженные плечи, однако улыбка Кору того стоит.

Выбрав из моей коллекции темно-синюю бандану, Кора кладет ее рядом с синей блузкой, которую купила для меня.

— Вот, эта подходит по цвету.

У Кору сейчас туго с деньгами, но я рада, что мне не придется идти в школу в одежде Сары. К счастью, сейчас февраль, так что длинные рукава и джинсы скроют компрессионное белье.

— Ты точно не хочешь надеть парик? — спрашивает Кора. — Та милая женщина из больницы сказала, что мы можем взять его в любое время. Можно прямо сейчас съездить за ним.

— Однозначно нет. — Я мотаю головой.

Парик скроет шрамы лучше, чем бандана, но все равно никого не обманет. Женщина, пришедшая в ожоговое отделение во всеоружии — с париками, косметикой и прочими средствами для маскировки шрамов — и впрямь старалась помочь, только, несмотря на все ее усилия, фальшивые волосы и тональный крем не способны скрыть... это. Так к чему притворяться?

После ухода Кора я осторожно снимаю компрессионное белье, которое не дает моим шрамам разбухнуть комками сладкой ваты.

Раздевшись до трусов и майки, я ложусь на кровать лицом вниз, и выбившиеся из покрывала Сары ниточки щекочут нос. Кора возвращается для ежевечернего ритуала нанесения крема на мое тело. Эта процедура начинается, как всегда, с правой стороны: Кора осторожно выпрямляет мою руку, которая под таким углом выглядит ужасно тонкой — кожа да кости, прямо как у зомби. Оказывается, подкожный жир тоже горит.

Кора старательно втирает крем во все бороздки и рытвины, и уже привычный медицинско-старческий запах наполняет комнату. Бежевый компрессионный трикотаж свисает со стула, словно сброшенная змеиная кожа. Я ношу его уже год, и он больше похож на настоящую кожу, чем пурпурно-розовые шрамы моего тела.

Мое тело сейчас напоминает покрывало Сары, сшитое из разных кусочков. Некоторые из них выглядят как неповрежденная кожа, другие покрыты шрамами, третьи и вовсе пересажены хирургами из других мест.

В первые дни у меня даже было немного кожи, взятой со свиньи и умершего человека, пока в лаборатории мне выращивали новую кожу из небольшого лоскута, взятого со спины.

Нанося крем, Кора мнет мою руку, словно тесто. Лишь в такие моменты она обращается со мной не как с хрупкой яичной скорлупкой. Видимо, медсестры ей сказали, что чем сильнее втирать, тем лучше заживут